 © Авторы статьи / Authors of the article

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ/SOCIAL AND POLITICAL PHILOSOPHY

DOI: https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.170.83 EDN: TJEELA

КОММЕМОРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ И МЕСТА ПАМЯТИ В ОПТИКЕ СТРУКТУРАЛИСТСКОГО КОНСТРУКТИВИЗМА П. БУРДЬЁ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ЭМПИРИЧЕСКИЕ ГРАНИЦЫ

Научная статья

Мерзлякова И.Л.[1, *]

[1] Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (merzlyakovail[at]mail.ru)

Предложена: 16.07.2026; Принята: 05.08.2026; Опубликована: 17.08.2026

Аннотация

В статье рассматривается исследовательский потенциал концепции структуралистского конструктивизма П. Бурдьё в контексте исследований роли коммеморативных практик и «мест памяти» как инструментов конструирования исторической памяти. Автор считает, что теория габитуса и социального пространства П. Бурдьё позволяет трактовать «места памяти» как динамичные символические объекты, которые сохраняются и актуализируются в разнообразных коммеморативных практиках, формируя устойчивые схемы восприятия прошлого, структурирующие социальное пространство. Применение такой теоретической оптики позволяет рассматривать историческую память как множественное, конфликтное поле интерпретаций, а «места памяти» как символический капитал, распоряжаясь которым субъекты, осмысляя и репрезентуя прошлое, влияют на современные социокультурные процессы.

Ключевые слова: коммеморативные практики, места памяти, историческая память, коммеморативный конфликт, габитус, социальное пространство, структуралистский конструктивизм.

COMMEMORATIVE PRACTICES AND MEMORY SITES THROUGH THE LENS OF P. BOURDIEU'S STRUCTURALIST CONSTRUCTIVISM: THEORETICAL POSSIBILITIES AND EMPIRICAL LIMITATIONS

Research article

Merzlyakova I.L.[1, *]

[1] Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russian Federation

* Corresponding author (merzlyakovail[at]mail.ru)

Suggested: 16.07.2026; Accepted: 05.08.2026; Published: 17.08.2026

Abstract

The article examines the research potential of Pierre Bourdieu's concept of structuralist constructivism in the context of studies of the role of commemorative practices and "memory sites" as instruments for constructing historical memory. The author argues that Pierre Bourdieu's theory of habitat and social space allows "memory sites" to be interpreted as dynamic symbolic objects which are preserved and actualised through a variety of commemorative practices, forming stable patterns of perception of the past that structure social space. Applying this theoretical framework allows to view historical memory as a pluralistic, conflict-ridden field of interpretations, and "memory sites" as symbolic capital; by using this capital, subjects influence contemporary socio-cultural processes as they make sense of and represent the past.

Keywords: commemorative practices, memory sites, historical memory, commemorative conflict, habitat, social space, structuralist constructivism.

Введение

В современных условиях обострения «войн памяти» в гуманитарных исследованиях востребованной становится проблематика коммеморативных практик, как способов сохранения, трансляции и интерпретации исторической памяти. Показательным является польско-украинский конфликт, разгоревшийся вокруг коммеморациий связанных с фигурой военного преступника С. Бандеры и Волынской резней — яркими примерами того, как одно историческое событие может быть интерпретировано и реализовано в рамках особых коммеморативных практик в разных социальных пространствах и национальных традициях памяти.

Одной из ключевых исследовательских оптик, позволяющих осмыслить эти процессы, выступают понятия «коммеморативные практики» и «места памяти» (lieux de mémoire), в которых утраченная историческая память кристаллизуется и находит своё убежище. Обращение к структуралистскому конструктивизму П. Бурдьё и его теории габитуса позволяет объяснить причины устойчивости и конфликтности коммеморативных практик и то, как габитус, являясь «инкорпорированной историей», способствует формированию принципиально разных схем восприятия прошлого, зафиксированного в «местах памяти», выступая символическим капиталом в острой политической борьбе. Такая постановка вопроса делает польско-украинский кейс эмпирической площадкой для проверки методологического потенциала теории П. Бурдьё.

Коммеморативные практики выполняют важнейшую роль в современном обществе, заполняя разрыв между угасающей коммуникативной памятью (охватывающей не более трёх поколений) и институционализированной культурной памятью, обеспечивая «живую реконструкцию взаимодействия прошлого и настоящего».

 © Авторы статьи / Authors of the article

Теоретической основой исследования являются концепции «коллективной памяти» М. Хальбвакса, «мест памяти» П. Нора, концепция «культурной памяти» Я. Ассман и А. Ассман, а также структуралистский конструктивизм П. Бурдьё.

В представленной статье коммеморативные практики рассматриваются как вид социальной практики, направленной на сохранение в историческом сознании социума «мест памяти». Эти объекты обладают важным символическим капиталом, материальностью и функциональностью и реализуются через габитус, который обеспечивает постоянство коммеморативных практик и единство социального пространства.

Основные результаты

В научной литературе историческая память трактуется как коллективное представление общества о прошлом, передаваемое из поколения в поколение. М. Хальбвакс, заложивший основы социологии памяти, подчёркивал: «Следует отказаться от мысли, что прошлое сохраняется неизменным в памяти индивидов… Память — это то, что роднит нас с какими-то другими людьми» [9, С. 325-326]. Принадлежность к социальным группам, выступающим носителями «живой памяти», обеспечивает сохранность индивидуальной исторической памяти. При этом, как замечает автор, общество может жить лишь при условии достаточного единства во взглядах, а множественность групп порождает различные, порой деформированные, версии прошлого.

Если «живая» коммуникативная память, по оценкам исследователей, охватывает не более трёх поколений, то для длительной трансляции требуется переход к культурной памяти. Ян Ассман показал, что культурная память институционализируется и способна сохраняться веками благодаря текстам, ритуалам, памятникам и другим семиотическим формам [2]. Этот переход ставит перед современным обществом проблему сохранения живой связи с прошлым, когда прямых свидетелей уже нет. В работе «Новое недовольство мемориальной культурой» А. Ассман отмечает, что «благодаря включению в совместное воспроизводство традиции формируется та или иная групповая память, различающаяся степенью устойчивости, обязательности, а также широтой охвата. Лишь то, что выставлено в музеях воплощено в памятниках и попало в школьные учебники, обретает шанс на передачу следующим поколениям. Коллективная память позволяет членам сообщества, преодолевая пространственные и временные дистанции, сохранять ценностные ориентиры и системы координат. Так возникает ощущение себя частью большого целого, значительно превосходящего горизонт индивидуального опыта» [1].

Описывая опыт поколений, М. Хирш ввела понятие постпамяти: события прошлого «присутствуют в их сознании не как память, но как постпамять… они «помнят» лишь благодаря рассказам, изображениям и поведенческим реакциям или, напротив, благодаря умолчаниям… Связь постпамяти с прошлым осуществляется… через потребность и желание, за счёт привлечения воображения, проективных и творческих механизмов» [10, С. 7-8]. Эта мысль перекликается с идеей Р. Коллингвуда о том, что прошлое, не воспринимаемое непосредственно, становится объектом мысли благодаря историческому воображению [6, С. 231, 280].

Чувство непрерывности истории «находит своё убежище в местах памяти», укоренённых в «пространстве, жесте, образе и объекте» [8, С. 17, 20]. Со временем, как отмечает П. Нора, связь «мест памяти» (lieux de mémoire) с коммеморативными практиками становится настолько сильной, что сами коммеморации со временем начинают воспринимать как «места памяти» [8, С. 96]. Опираясь на работы П. Нора и его коллег, можно сделать вывод, что «места памяти» — это «символические объекты, обладающие материальностью и функциональностью, которые являются «останками» прошлого, связанными с определёнными коммеморативными практиками, подверженными множественным интерпретациям, способными к изменениям, но сохраняющими при этом свою символическую роль» [4, С. 35].

Обсуждение

Для более глубокого понимания сущности и соотношения коммеморативных практик и «мест памяти», на наш взгляд, необходимо обратиться к работам П. Бурдьё, в которых предложена особая методологическая оптика, позволяющая рассматривать социальные практики как продукт габитуса — «системы устойчивых и переносимых диспозиций, структурированные структуры, то есть как принципы, порождающие и организующие практики и представления, которые, хотя и могут быть объективно адаптированными к их цели, однако не предполагают осознанную направленность на неё и непременное овладение необходимыми операциями по её достижению. Объективно «следующие правилам» и «упорядоченные», они в то же время ни в коей мере не являются продуктом подчинения правилам и, следовательно, будучи коллективно оркестрованными, не являются продуктом организующего действия дирижёра оркестра» [11]. Следует отметить, что концепция П. Бурдьё разработана для анализа относительно стабильных социальных структур и продуктивна для изучения устойчивых коммеморативных практик, но трудно применима к анализу быстро меняющихся современных социокультурных процессов.

Габитус, будучи инкорпорированной историей, выступает материализацией коллективной памяти, обеспечивая постоянство практик и социальный порядок. «Места памяти» обладают способностью к изменениям, но сохраняют символическую роль, напрямую коррелируя с пониманием габитуса П. Бурдьё как структуры, которая, будучи продуктом истории, постоянно воспроизводится и одновременно адаптируется к новым условиям. «Места памяти», подобно габитусу, консервируют прошлый опыт, но в каждом акте коммеморации этот опыт переинтерпретируется в соответствии с текущими социальными запросами. П. Бурдьё отмечает, что габитус, являясь продуктом истории, создаёт условия для реализации индивидуальных и коллективных коммеморативных практик, «а следовательно — самой истории в соответствии со схемами, порождёнными историей» [11]. Благодаря этому происходит проникновение прошлого в настоящее и в будущее, проявляясь в коммеморативных практиках «структурированных в соответствии с его принципами, и внутренний закон, через который непрерывно осуществляется закон внешней необходимости, несводимой к непосредственному, ситуативному принуждению, есть основание преемственности и упорядоченности, которые объективизм, сам того не подозревая, приписывает социальным практикам, а также основание регулярных

 © Авторы статьи / Authors of the article

трансформаций, в которых не отдают себе отчёта ни поверхностный и растворенный в механическом социологизме детерминизм, ни чисто внутренний, но столь же частичный, стихийный субъективизм» [11].

Коммеморативные практики создают устойчивые схемы восприятия и оценки прошлого, способствуя социальной координации и согласованию коллективных действий. С помощью концепции габитуса П. Бурдьё рассматривает социальные практики, которые реализуются социальными субъектами в соответствии «с позициями, занимаемыми ими в социальном пространстве» [6]. Габитус придаёт социальным практикам «относительную независимость по отношению к внешним детерминациям непосредственно настоящего» [3, С. 111].

С точки зрения структуралистского конструктивизма П. Бурдьё польско-украинский конфликта — это конфликт между двумя габитусами в отношении событий Волынской резни, которые укоренены в коммеморативных практиках разных поколений. В условиях усложняющейся структуры международных отношений, компромисс между конфликтующими сторонами крайне затруднен, поскольку символический капитал, используемый в этом конфликте, позволяет навязывать свои оценки и интерпретации прошлого, транслировать и распространять свои нарративы. Для украинской власти легитимация С. Бандеры является инструментом укрепления национальной идентичности, легитимации власти и мобилизации патриотических чувств в борьбе со своими геополитическими противниками. Для польской власти, в современных геополитических условиях осуждение С. Бандеры и память о Волынской резне как о геноциде польского населения — защита чести предков и исторической памяти, а также эффективный инструмент внутренней и внешней политики. Польша, используя символический капитал как реальный политический ресурс блокирует евроинтеграцию Украины, настаивая на пересмотре отношения украинцев к С. Бандере. Польша и Украина занимают разные позиции в структуре международного поля: Польша член НАТО и Европейского союза, а Украина — кандидат на вступление и зависит от помощи своих западных союзников. Такая ситуация позволяет Польше активно использовать свой символический капитал в коммеморативном конфликте и оказывать свое влияние на процесс конструирования структуры международных отношений.

Заключение

Коммеморативные практики и «места памяти» являются ключевыми инструментами управления коллективной памятью и способны устранять или минимизировать негативные последствия разрывов между коммуникативной памятью и долговременной культурной памятью, которая институционализируется и сохраняется веками через тексты, ритуалы, памятники, разнообразные семиотические формы и «места памяти».

Использование оптики П. Бурдьё позволяет исследователю выйти за рамки линейных национальных нарративов, обратиться к множественности интерпретаций прошлого, которые составляют подлинную ткань коллективной памяти. При этом важно учитывать присущую местам памяти конфликтность и понимать их как эстетическое и эпистемологическое событие, открывающее новые возможности для осмысления прошлого в настоящем и будущем. Габитус П. Бурдьё выступает связующим звеном между индивидуальной историей, коллективной памятью и социальными практиками. Будучи «инкорпорированной историей», габитус: обеспечивает относительную устойчивость и преемственность коммеморативных практик; позволяет сохранять независимость от сиюминутных внешних детерминаций, делает их адаптивными — в каждом акте коммеморации прошлый опыт переинтерпретируется в соответствии с текущими социальными запросами. Так, польско-украинский кейс наглядно демонстрирует, что один и тот же субъект (С. Бандера) становится объектом полярных коммеморативных практик в зависимости от национального габитуса. В Польше С. Бандера включен в схему восприятия как военный преступник, а в Украине — как «герой» и «борец за самостийность», и такое восприятие укоренено в глубинных структурах коллективной исторической памяти, которые П. Бурдьё описывает через понятие габитуса. «Места памяти» (памятники Бандере в Украине, мемориалы жертв Волынской резни в Польше) выступают не просто символическими объектами, а пространством борьбы между различными социальными группами и государствами за контроль над интерпретацией прошлого как символическим капиталом и позиции в социальном поле в контексте крупного геополитического противостояния.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой / А. Ассман; пер. с нем. Б. Хлебникова. — Москва : Новое литературное обозрение, 2016. — 232 с.

2. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман; пер. с нем. М.М. Сокольской. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 368 с.

3. Бурдьё П. Практический смысл / П. Бурдьё. — Санкт-Петербург, 2001. — 562 с.

4. Головашина О.В. Места памяти: между метафорой и концептом / О.В. Головашина // Социология власти. — 2022. — Т. 34. — № 1. — С. 18–38.

 © Авторы статьи / Authors of the article

5. Квасова И.И. Социальные практики и человеческий опыт (дискурс П. Бурдье) / И.И. Квасова // Вестник РУДН. Серия: Социология. — 2009. — № 2. — С. 5–12. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-praktiki-i-chelovecheskiy-opyt-diskurs-p-burdie (дата обращения: 14.07.2026).

6. Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография / Р.Дж. Коллингвуд. — Москва, 1980. — 488 с.

7. Мерзлякова И.Л. «Места памяти» и коммеморативные практики в процессе формирования мемориальной культуры ростовчан / И.Л. Мерзлякова // Моя малая родина в истории Большой страны. К 80-летию Великой Победы : материалы региональной научно-просветительской конференции с международным участием. — Ростов-на-Дону : Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), 2025. — С. 243–247.

8. Нора П. Проблематика мест памяти / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж [и др.] // Франция-память. — Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. — С. 17–50, 95–146.

9. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс. — Москва : Новое издательство, 2007. — 348 с.

10. Хирш М. Поколение постпамяти: письмо и визуальная культура после Холокоста / М. Хирш. — Москва : Новое издательство, 2020. — 428 с.

11. Bourdieu P. Structures and the Habitus / P. Bourdieu // Theory of Practice. — Cambridge : Cambridge University Press, 1977. — P. 72–95.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Assman A. Novoe nedovol'stvo memorial'noy kul'turoy [The New Discontent with Memorial Culture] / A. Assman; transl. from Germ. by B. Khlebnikov. — Moscow : New Literary Review, 2016. — 232 p. [in Russian]

2. Assman Ya. Kul'turnaya pamyat': pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti [Cultural Memory: Writing, Memory of the Past and Political Identity in the High Cultures of Antiquity] / Ya. Assman; transl. from Germ. by M.M. Sokolskaya. — Moscow : Languages of Slavic Cultures, 2004. — 368 p. [in Russian]

3. Bourdieu, P. Prakticheskiy smysl [Practical Reason] / P. Bourdieu. — Saint Petersburg, 2001. — 562 p. [in Russian]

4. Golovashina O.V. Mesta pamyati: mezhdu metaforoy i kontseptom [Realms of Memory: between Metaphor and Concept] / O.V. Golovashina // Sotsiologiya vlasti [Sociology of Power]. — 2022. — Vol. 34. — № 1. — P. 18–38. [in Russian]

5. Kvasova I.I. Sotsial'nye praktiki i chelovecheskiy opyt (diskurs P. Burd'e) [Social practices and human experience (P. Bourdieu's discourse)] / I.I. Kvasova // Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya [RUDN Journal of Sociology]. — 2009. — № 2. — P. 5–12. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-praktiki-i-chelovecheskiy-opyt-diskurs-p-burdie (accessed: 14.07.2026). [in Russian]

6. Collingwood R.G. Ideya istorii. Avtobiografiya [The Idea of History. An Autobiography] / R.G. Collingwood. — Moscow, 1980. — 488 p. [in Russian]

7. Merzlyakova I.L. "Mesta pamyati" i kommemorativnye praktiki v protsesse formirovaniya memorial'noy kul'tury rostovchan ["Lieux de mémoire" and commemorative practices in the process of forming the memorial culture of Rostov citizens] / I.L. Merzlyakova // Moya malaya rodina v istorii Bol'shoy strany. K 80-letiyu Velikoy Pobedy [My Small Homeland in the History of the Great Country. To the 80th Anniversary of the Great Victory] : proceedings of the regional scientific and educational conference with international participation. — Rostov-on-Don : Rostov State University of Economics, 2025. — P. 243–247. [in Russian]

8. Nora P. Problematika mest pamyati [The Problematics of Lieux de mémoire] / P. Nora, M. Ozuf, J. de Puimez [et al.] // Frantsiya-pamyat' [France-Memory]. — Saint Petersburg : Publishing House of Saint Petersburg University, 1999. — P. 17–50, 95–146. [in Russian]

9. Khalbvaks M. Sotsial'nye ramki pamyati [The Social Frameworks of Memory] / M. Khalbvaks. — Moscow : New Publishing House, 2007. — 348 p. [in Russian]

10. Khirsh M. Pokolenie postpamyati: pis'mo i vizual'naya kul'tura posle Kholokosta [The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture after the Holocaust] / M. Khirsh. — Moscow : New Publishing House, 2020. — 428 p. [in Russian]

11. Bourdieu P. Structures and the Habitus / P. Bourdieu // Theory of Practice. — Cambridge : Cambridge University Press, 1977. — P. 72–95.